

III. СООБЩЕНИЯ И РЕЦЕНЗИИ

10

Нас ждут беспокойные времена*

Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer, 2022. 1061 pp.

Энтони Харпер

Независимый исследователь

Существуют разные определения термина «handbook» (справочник). Тем не менее все они включают ссылку на фактическую информацию по определенной теме либо ряду тем или инструкций, касающиеся определенных процессов либо ряда процессов. Это синтезированное и обобщенное определение, безусловно, относится к коллективной монографии «Handbook of Revolutions in the 21st Century» («Справочник по революциям XXI века») под редакцией Джека Голдстоуна, Леонида Гринина и Андрея Коротаева (Goldstone *et al.* 2022). Однако эта книга объемом более тысячи страниц дает намного больше, чем было сказано в описании. Помимо того что в первом разделе книги точно трактуется само понятие революции и исследуется теория революции, в последующих разделах ученые, представляющие разные академические специализации, подробно рассматривают такие темы, как история революций, революционные волны, революции начала XXI в., революции Арабской весны, революционные движения, возникшие после Арабской весны, а также современные и будущие революции. Кроме того, справочники, часто дидактические по своей сути, обычно не отличаются креативностью и проницательностью, однако этот – именно такой.

Вводная глава под авторством трех редакторов справочника представляет собой описание теоретических проблем, с которыми сталкиваются исследователи революций, а также исторической базы, необходимой для их анализа; даны неочевидные доказательства того, что нынешний век сулит новые революционные события. Так, интересно, что революции происходят и в развитых, и развивающихся странах, а начало им может

* *Для цитирования:* Харпер Э. 2022. Нас ждут беспокойные времена. *Эволюция: Эволюционная мозаика* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 216–223.

For citation: Harper A. 2022. Rough Waters Ahead. *Evolution: Evolutionary Mosaic* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd: Uchitel. Pp. 216–223 (in Russian).

положить незначительный на первый взгляд триггер. Далее высказывается мнение, что даже демократия может быть нестабильной: например, в последние 20 лет революции в демократических странах происходили чаще, чем в недемократических. К моменту публикации этого справочника уже наблюдались три отдельные волны революций – в контексте недавней истории и условий, сложившихся в Мир-Системе, авторы предполагают, что и сама Мир-Система в ближайшем будущем переживет период значительных трансформаций. Глава завершается отлично структурированными табличными данными революций, которые уже произошли в первые два десятилетия этого века – а их было 87, и это еще не полные данные (личная коммуникация с Л. Е. Грининым). Следом идут разделы, посвященные теоретическим аспектам революций, истории революций и их возникновения в виде волн и линий, далее – несколько глав о революциях, произошедших в первые годы этого века, где уделяется особое внимание цветным революциям, Арабской весне, событиям после Арабской весны, подводятся итоги в главе «Revolutions: Today and Tomorrow» («Революции: сегодня и завтра»).

Предполагаемое на следующих страницах этого справочника будущее Мир-Системы и человечества вызывает как радостные ожидания, так и беспокойство.

В третьем разделе данного справочника «*Revolutionary Waves in History*» («Революционные волны в истории») особое внимание уделяется истории революционных волн. В своей первой статье «*Typology and Principles of Dynamics of Revolutionary Waves in World History*» («Типология и принципы динамики революционных волн в мировой истории») Николай Розов отмечает три фактора нестабильности: демографические проблемы, гео- и социоэкономические факторы и эффекты исторических циклов, как геополитических, так и циклов гегемонии. Дана типология волн революций, которая включает домино-волны, наведенные волны, идеологическое влияние, военное вмешательство и общие структурные причины. Н. Розов также предполагает, что из всех этих типов волн три – домино-волны, наведенные и полемогенные – происходят в сжатые сроки, в то время как два других типа – идеологически мотивированные и структурно детерминированные волны – не так четко определены во времени, поскольку трудно установить момент зарождения идеологически значимых идей и структуры, приводящих к полноценной волне. Затем он уделяет внимание разработке критериев для идентификации каждого типа волн. Все это привело к созданию очень объемного исторического каталога революционных волн, ставшего материалом для анализа таких тем, как «Факторы нестабильности», «Переход к революции» и «Кто побеждает в революциях» – вот три из двенадцати оставшихся кратких, но информативных разделов данного исследования. Такое начало служит прекрасным контекстом для остальных статей данного раздела.

Три из четырех оставшихся работ в этом разделе написаны либо Леонидом Грининым, либо Леонидом и Антоном Гриниными и предоставляют исторический контекст для остальных статей данного справочника. Дмитрий Карасев в своей работе о структуре и факторах, их влиянии на революции, также вносит существенный вклад, предлагая очень простую и полезную модель революций и делая следующий вывод: по мере усложнения революционного контекста структура и факторы будут получать все меньше исследовательского внимания.

В первой из трех статей, авторами которых являются только Леонид Гринин или Леонид и Антон Гринины, описываются революционные волны, объясняются их контекст и возникновение в пределах XIX в. Временные рамки, указанные автором, отличаются от тех, что дают другие исследователи, что он сам справедливо отмечает; со своей стороны он подчеркивает взаимосвязанность государств, вовлеченных в революционные волны, а также описывает триггеры этих революций. Далее Л. Гринин подчеркивает, что, хотя сами революции бывают неизбежными, их результаты и последствия не являются таковыми.

[В качестве заметки от того, кто занимается математическим моделированием исторических процессов: три работы, которые мы только что рассмотрели, структурированы и представляют информацию таким образом, что позволяют применить математическое моделирование. Это особенно характерно для третьей работы из этой серии «On Revolutionary Waves Since the 16th Century» («О революционных волнах с XVI в.»). Безусловно, определение периодов революционных волн открывает возможности для количественного анализа. (Простая графическая презентация этих данных с очень несложными расчетами каждого из периодов волн Л. Гринина выявляет закономерности, которые требуют дальнейшего исследования.) Однако понятие переломных моментов и тот факт, что выявленные закономерности имеют потенциал для моделирования с помощью уравнений, является еще одним доказательством того, что работа Л. Гринина поддается процессу моделирования. Наконец, исследователь, знакомый с агентным моделированием, коим автор настоящей рецензии (пока) не является, также найдет в этой работе возможность для моделирования, например выявления и анализа переломных моментов.]

Вслед за Н. Розовым, обратившим внимание на эффект домино и другие факторы, влияющие на революционные волны, Владислав Цыганков продолжает описывать значение эффекта домино. Его внимание сосредоточено на географическом расположении соседних политий и на классификации революций по общим причинам; его хронология выходит далеко за рамки раннего Нового времени, например, автор плодотворно сравнивает Французскую, Российскую и Китайскую революции, которые, как он предполагает, имеют общую основную причину. Далее он обозначает се-

рию из семи волн революций, продолжавшихся с начала XVI до начала XVIII в.

Данный раздел о революционных волнах завершает Леонид Гринин, который рассматривает революции начиная с XIV в. Л. Гринин обращает внимание читателя на следующие важные факторы: 1. Революции имеют общие культурные и внешние факторы. 2. Существует пять основных критериев анализа: от выявления общих причин к моменту возникновения и фактической продолжительности революционной волны. 3. Идентификация 14 революционных волн с начала XVI по XIX в. 4. Значительное внимание уделено интерпретации аспектов происхождения и географии волн, например атлантическая волна противопоставляется волне Французской революции и успешному восстанию рабов на Гаити. Автор заканчивает работу короткой заметкой о том, что в начале XXI в. все чаще возникают непродолжительные, но предвещающие мрачное будущее революции.

В статье «*Revolutionary Waves and Lines of the 20th Century*» («Революционные волны и линии XX в.») Л. и А. Гринины обсуждают изменения в характере революций от XIX к XX в.; они называют XX век веком революций, и это подтверждено двумя приложениями, изобилующими данными о произошедших революциях. Хотя революции XX в. имеют много общего с таковыми в предыдущем веке (в частности это влияние растущего неравенства и борьба против монархий), революции прошлого столетия часто были результатом борьбы за независимость и создание национальных государств. Авторы перечисляют восемь тенденций, характерных для модернизации, которые способствовали и предшествовали возникновению революций XX в. Затем дается глубокий анализ причин этих революций, после чего приводится их классификация.

Понятие линии революций вводится после подробного рассмотрения того, что такое волны революций, их контекста и причин. Линии революций, по мнению авторов, являются теоретической концепцией, где причины связаны с разными историческими периодами, в которые происходили волны, но имеют «общий характер этих революций, а также их результаты»; эти линии революций наблюдаются в пределах одного временного отрезка, но в разные его моменты и в разных местах, и имеют схожие цели и черты. Эта концепция весьма полезна для определения общих закономерностей революций XX в.

Интересно, что авторы отмечают разнообразие целей и результатов революций прошлого века. В частности, после революций не всегда наступают позитивные перемены, и, в сущности, может наступить период нестабильности, уязвимости государства, когда «успешная революция» способна привести к установлению авторитарного правления. Риторика революционных движений может ослабнуть, а затем последует риторика силы, что часто приводит к диктатуре. В исследовании Л. и А. Гринина также упоминаются трансформация без замены правительства;

революция без разрушительной физической вражды, в результате которой действительно происходят существенные изменения. Такие значимые изменения произошли в революционный 1968 год во Франции и США. События в Индии и Пакистане отмечены как особые случаи с революционными движениями без революционных изменений.

Статья «The Arab Spring Wave as an Important Revolutionary Tipping Point» начинается с оценки основных причин и условий Арабской весны. Уникальность данного раздела заключается в количественном характере двух статей раздела, что не характерно для большинства исторических исследований в целом. Обе статьи в этом разделе – «Egypt's 2011 Revolution: A Demographic Structural Analysis» («Революция 2011 г. в Египте: демографический структурный анализ») и «The Arab Spring: A Quantitative Analysis» («Арабская весна: количественный анализ») – с математическим уклоном. Соавтором обеих работ является Андрей Коротаев, всемирно известный исследователь, обладающий навыком и талантом четко распознавать исторические закономерности и возможность их математического моделирования. Цветным революциям также уделяется должное внимание как революционной волне, которая не оправдала ожиданий в отношении свержения авторитарной власти и установления более демократического правительства. Александр Ходунов в своей статье концентрируется на «розовой» и «оранжевой» революциях, а Никита Филин анализирует «зеленую революцию» в Иране. Далее отмечается, что «жасминовая революция», произошедшая в Тунисе, стала переломным моментом, который дал толчок дальнейшему каскаду революций Арабской весны.

Религия сыграла особую роль в революционных изменениях; до сих пор слышны отголоски протестантской Реформации и контрреформации, хотя политические последствия революционных толчков исторически были более существенны, чем сейчас. Начиная с конца XX в. наблюдается исламское возрождение, в котором глубоко переплетены религия и политика. Н. Филин и др. уделяют особое внимание двум примерам – Ирану и ИГИЛ**. Иран как автократическая теократия прошел испытание временем на протяжении более 40 лет, чему способствовали сильное правительство, прочные отношения между правительством и армией, а также очень эффективная секретная служба. Такое сочетание институтов в тот период привело к улучшению условий жизни населения. Для сравнения, ИГИЛ – это тень себя прежнего, во многом из-за своей разрушительной политики. И хотя сейчас Иран сталкивается с весьма серьезными проблемами в виде религиозной реформы, ношения или ненашения хиджабов (что является лишь внешним признаком гораздо более глубокой проблемы), весьма обременительных санкций, контролируемых США, он имеет гораздо большие шансы на сохранение, чем ИГИЛ, по крайней мере, в ближайшем

** Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ.

будущем. В конечном итоге это, конечно, будет зависеть от устойчивости и гибкости военно-политических институтов Ирана.

Однако революции сделали разворот в сторону ненасильственного сопротивления. «Отпор», созданный в Сербии как студенческая организация, пропагандирующая ненасильственный подход к политическому протесту и революции, отвечал за поддержку цветных революций. В своей статье Н. Филин и др. подробно описывают, как развивался «Отпор» и как он в дальнейшем повлиял на поддержку цветных революций в Грузии, на Украине, в Ливане, Кыргызстане, Тунисе и Египте. В этой работе объясняется роль ненасилия, мобилизации и юмора, а также создания сети активистов в продвижении революционных изменений. В следующей статье ее автор Л. Митчелл обращается к пределам, в частности, революционной преемственности государств, а также таковой на локальном и мир-системном уровнях.

Заключительная глава, как и введение, написана редакторами справочника Дж. Голдстоуном, Л. Грининим и А. Кортаевым и озаглавлена «How Many Revolutions will We See in the 21st Century» («Сколько революций мы увидим в XXI в.?»). Некоторые считают, что здравый смысл и распространение демократии постепенно приведут к исчезновению революций. Однако, как считают редакторы, реальные факты сейчас свидетельствуют об обратном. Распад Советского Союза в конце 1980-х гг. открыл двери для безудержного неолиберального капитализма, который перенес глобальное и национальное неравенство на новый уровень. Этому способствовало экономическое и военное доминирование США, позволяющих себе вести рискованную внешнюю политику, а также быстрый рост населения в некоторых странах, особенно на периферии Мир-Системы, и кризис, начавшийся в 2007 г., продолжавшийся до 2011 г. и далее. Наряду с этими ухудшающими ситуацию факторами существуют реалии глобальной нестабильности, сохраняющиеся последствия COVID-19, враждующие между собой демократии, и этот список можно продолжать. Существует также тенденция нарастания революций в некоторых сохранившихся (но, возможно, хрупких) демократиях. Революции в настоящее время становятся массовым явлением в Мир-Системе, по крайней мере, мы можем ожидать этого в ближайшем будущем.

В последней главе приводится перечень типов возможных будущих революций: от революций, реализующих переход от автократии к демократии, до антимонархических революций, религиозных революций, революций национального самоопределения и др. Далее предполагается, что география этих революций будет в основном ограничена Африканским континентом и соседним Ближним Востоком. Также выдвигается идея, что здесь политики имеют три общие характеристики, которые делают их склонными к революциям: быстрый рост населения, высокая или растущая степень урбанизации и высокий процент хорошо образованной, но безра-

ботной молодежи. [В качестве заметки: будет интересно проследить за тем, как поведут себя транснациональные корпорации в течение следующих нескольких десятилетий. Будут ли эти экономические гиганты сеять ветер в бурных водах Мир-Системы или станут способствовать наступлению такого XXI века, каким его представляют многие (большинство? Все?) авторы этого справочника?]

Наконец, редакторы дают рекомендации по исправлению условий и контекста потенциальных грядущих революций. По их мнению, это должно произойти в трех областях: улучшение качества образования, особенно для женщин, но также и для более образованного населения Мир-Системы в целом, усовершенствование системы контроля рождаемости, а также экономические и политические реформы. Первые два аспекта легче поддаются функциональному пониманию, чем последние. На самом деле экономические и политические реформы также могут лежать в основе беспорядков XXI в., которые большинство воспринимает как неизбежность.

Сейчас я хотел бы вернуться к теме образования женщин как к одному из пунктов, способствующих исправлению ситуации. Образование, по крайней мере в США, следовало за культурой, а не определяло ее, и я не удивлюсь, если так будет и во всем мире. Однако для того чтобы образование стало развивающим фактором и в конечном счете агентом перемен, коллективный образовательный менталитет должен измениться. Приведенная ниже цитата позволяет понять суть таких изменений в образовании:

Ничто из этого не поможет предотвратить коллапс, предсказанный «Пределами роста» – даже дорожные карты, усложнение развития или прорывные технологии – без согласованных усилий по развитию человеческого духа. Для этого потребуются сосредоточиться на совершенно иных принципах образования, чем предполагает нынешняя модель. Фокус на послушании, а также рейтинге и ранжировании наших молодых людей – это крах в долгосрочной перспективе. Воспитание должно предполагать развитие самостоятельности, способности принимать самостоятельные решения и навыков межличностного общения. Они не могут научиться всему этому с помощью подавляющих программ, разработанных академической элитой, которая стремится к созданию сложных систем распределения (Pezeshki 2022).

Очевидно, мысль, которую поддерживают редакторы и (надеюсь) все авторы данного справочника, заключается в том, что культурная идеология должна измениться, чтобы образование было эффективным в культурном отношении и стало корректирующим фактором для снижения вероятности будущих революций. Возможно, на страницах этого справочника будут найдены нити тех планов развития, которые поспособствуют

поддержке культурной революции, помешают будущим политическим и экономическим революциям, успокоят турбулентность. Кроме того, данная книга действительно является профессиональным научным трудом и руководством к передовому пониманию прошлых, настоящих и будущих революций.

Перевод с английского О. В. Шевцовой

Библиография

Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (eds.) 2022. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change.* Cham: Springer.

Pezeshki C. 2022. How do We Grow Socially? In Bardi U., Pereira C. (eds.), *Limits and Beyond: 50 Years on from The Limits to Growth, What did We Learn and What's Next?* N. p. : Exapt Press.